

НАИМЕНОВАНИЯ ЛЮДЕЙ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Екатерина Алексеевна Руднева

Институт лингвистических исследований РАН

9 Тучков пер., Санкт-Петербург, Россия

Российский государственный гуманитарный университет

6 Миусская пл., Москва, Россия

katja1985mt@yandex.ru

Аннотация: Цель исследования — проанализировать наименования людей с инвалидностью в современном русском языке с учетом контекста и прагматики, а также выделить актуальные идеологии и установки носителей языка. Материал составили тексты СМИ и социальных сетей, интервью с респондентами с инвалидностью и их родственниками, зафиксированные примеры из спонтанной устной речи, данные веб-корпуса. Рассматриваются языковые модели образования номинаций и изменения в дискурсах, подробно анализируются различные понимания и употребления слова *инвалид* (которое остается самым частотным, будучи неизбежным во многих контекстах). Приводятся точки зрения представителей групп и показывается, что для них стоит за тем или иным словом, анализируются актуальные идеологии, на которые ориентируются носители, в том числе конкурирующие («сначала человек» vs признание инвалидности важной составляющей идентичности). Существенно различаются принципы выбора наименования в разных дискурсах: публичном, активистском, профессиональном (медицинском или образовательном), бытовом, внутри общества. Мнения людей с инвалидностью сильно расходятся, их отношение к словам различается по степени категоричности. Современные эвфемистические номинации могут восприниматься ими отрицательно, так как оставляют инвалидность невидимой. Наименование в одних случаях выступает в роли маркера идентичности или выражает определенную идеологию, а в других выбирается менее осознанно, но при этом также может быть интерпретировано с учетом актуальных идеологий.

Ключевые слова: наименование, люди с инвалидностью, русский язык, политкорректность, инвалид, интервью.

Благодарности: Исследование проведено при поддержке гранта РНФ № 19-78-10081 «Политкорректность в русском языке и в русской культуре».

Для ссылок: Руднева Е. Наименования людей с инвалидностью в современном русском языке // Антропологический форум. 2022. № 52. С. 159–190.

doi: 10.31250/1815-8870-2022-18-52-159-190

URL: <https://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/052/rudneva.pdf>

NAMING PEOPLE WITH DISABILITIES IN CONTEMPORARY RUSSIAN

Ekaterina Rudneva

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences

9 Tuchkov Lane, St Petersburg, Russia

Russian State University for the Humanities

6 Miusskaya Sq., Moscow, Russia

katja1985mt@yandex.ru

Abstract: The study aims to analyse naming people with disabilities in contemporary Russian, depending on context and pragmatics, as well as highlight current ideologies and speakers' attitudes. The data comprises media and social networks publications, interviews with people with disabilities and their relatives, examples from spontaneous oral speech, and a web corpus. The article analyses linguistic models of forming nominations and changes in discourse, investigates various understandings and uses of the word 'disabled' (which remains the most frequent, being inevitable in many contexts), opinions and attitudes of different groups, as well as current ideologies that they take into account, including competing ones (people-first vs identity-first). Principles for choosing labels differ in various discourses. Within smaller social groups, where names play a role of group identity markers, jargon items are often preferred. Public discourse favours the ideology of political correctness and the people-first principle, with the corresponding model and compound nominations consisting of several words. The activist discourse is also characterized by orienting towards the social model of disability and new ideologies (neurodiversity, fighting against ableism, frequently the identity-first principle) and stating clear-cut restrictions. Attitudes of people with different disabilities towards naming vary: some are rather opinionated, while others are indifferent. Modern euphemistic nominations can be perceived negatively because they make disability invisible. In some cases, a label acts as an identity marker or expresses a certain ideology, while in others it is chosen less consciously, but nevertheless can be interpreted using existing ideologies by recipients.

Keywords: naming, people with disabilities, Russian, political correctness, disabled, interview.

Acknowledgements: Research for this article was supported by the RSF grant no. 19-78-10081 "Political Correctness in Russian Language and Culture".

To cite: Rudneva E., 'Naimenovaniya lyudey s invalidnostyu v sovremennom russkom yazyke' [Naming People with Disabilities in Contemporary Russian], *Antropologicheskij forum*, 2022, no. 52, pp. 159–190.

doi: 10.31250/1815-8870-2022-18-52-159-190

URL: <https://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/052/rudneva.pdf>

Екатерина Руднева

Наименования людей с инвалидностью в современном русском языке

Цель исследования — проанализировать наименования людей с инвалидностью в современном русском языке с учетом контекста и прагматики, а также выделить актуальные идеологии и установки носителей языка. Материал составили тексты СМИ и социальных сетей, интервью с респондентами с инвалидностью и их родственниками, зафиксированные примеры из спонтанной устной речи, данные веб-корпуса. Рассматриваются языковые модели образования номинаций и изменения в дискурсах, подробно анализируются различные понимания и употребления слова *инвалид* (которое остается самым частотным, будучи неизбежным во многих контекстах). Приводятся точки зрения представителей групп и показывается, что для них стоит за тем или иным словом, анализируются актуальные идеологии, на которые ориентируются носители, в том числе конкурирующие («сначала человек» vs признание инвалидности важной составляющей идентичности). Существенно различаются принципы выбора наименования в разных дискурсах: публичном, активистском, профессиональном (медицинском или образовательном), бытовом, внутри сообществ. Мнения людей с инвалидностью сильно расходятся, их отношение к словам различается по степени категоричности. Современные эвфемистические номинации могут восприниматься ими отрицательно, так как оставляют инвалидность невидимой. Наименование в одних случаях выступает в роли маркера идентичности или выражает определенную идеологию, а в других выбирается менее осознанно, но при этом также может быть интерпретировано с учетом актуальных идеологий.

Ключевые слова: наименование, люди с инвалидностью, русский язык, политкорректность, инвалид, интервью.

Введение

В последние годы появляется все больше публикаций в российских СМИ, где обсуждаются вопросы политкорректности и подходящих наименований для тех или иных групп людей. Вниманию современного читателя предлагаются как краткие инструкции и небольшие словарики, так и обширные списки рекомендаций (см., например: [Как говорить 2015; Зотова 2018; Такие дела; Бобылёва 2020; Культура]). Одна из групп людей, которой коснулась данная дискуссия, — это люди с инвалидностью. В обсуждение включаются представители сообществ, которые участвуют в интервью [Зотова 2018] и мнение которых учитывается при составлении рекомендаций [Культура].

Между тем нет ясности, для всех ли ситуаций подходят правила политкорректности и как к ним относятся те, кого они касаются прежде всего, т.е. в данном случае люди с инвалидностью, и какие еще принципы для них

Екатерина Алексеевна Руднева

Институт лингвистических исследований РАН,
Санкт-Петербург, Россия /
Российский государственный
гуманитарный университет,
Москва, Россия
katja1985mt@yandex.ru

важны. Цель исследования — проанализировать наименования людей с инвалидностью в современном русском языке с учетом контекста и прагматики, а также выделить актуальные идеологии и установки пользователей языка. Ставятся следующие исследовательские вопросы: какие модели и принципы выбора языкового варианта актуальны для того или иного дискурса? Какие единицы предпочитают и на какие идеологии ориентируются носители, главным образом те, к кому эти наименования относятся?

При изучении слов, которыми называют стигматизированные группы, неизбежно затрагивается уровень социальных отношений. За практиками наименования могут скрываться проблемы неравенства, агрессии и низкой осведомленности о разнообразии человеческой внешности и состояний.

В следующем разделе ставится проблема наименования *других* и критически рассматривается политкорректность как одна из идеологий, оказывающих влияние на выбор слов. Во втором разделе охарактеризован материал исследования. Затем описываются изменения, происходящие в дискурсе об инвалидности, и идеологии, которые оказываются актуальными для современной дискуссии и которые учитывают респонденты. В четвертом разделе анализируются принципы и модели образования номинаций, актуальные для публичного дискурса, а именно для публикаций СМИ, нацеленных на широкую аудиторию, также приводятся суждения респондентов по поводу некоторых единиц. Далее рассматривается употребление слова *инвалид*, получившего неоднозначную оценку опрошенных. Шестой раздел посвящен наименованиям, принятым внутри сообществ: людей с тем или иным диагнозом, родительских и профессиональных сообществ. В последнем разделе анализируются случаи наименований, которые пользователи посчитали некорректными.

1. Наименование *других*. Политкорректность

Одно и то же состояние организма осмысляется в разных культурах по-разному, в одних случаях попадая в категорию болезней, а в других — нет, на что обратили внимание антропологи в первой половине XX в. [Benedict 1934; Hanks, Hanks 1948] (см. также обзор в: [Reid-Cunningham 2009: 101–103]). При этом во многих сообществах люди с отличиями во внешности и поведении попадают в категорию *других* (the Other), т.е. групп, отличающихся от преобладающего большинства по тем или иным признакам [Ablon 1995]. Каждый имеет шанс перейти грань между *своими* и *другими* [Reid-Cunningham 2009: 100], например заболев или попав в аварию.

Выбор наименования играет принципиальную роль в создании идентичности¹ [Valentine 1998: 1.1] и, как правило, становится проблемой именно в отношении *других*. Как отмечает Дж. Валентин в статье «Наименование *других*: власть, вежливость и распространение эвфемизмов», «репрезентации черных людей, инвалидов или гомосексуалов не требуют эксплицитного определения доминирующих белых, людей без инвалидности, гетеросексуалов»; «те, кто проводят разграничения, имеют роскошь не выделяться эксплицитно» [Valentine 1998: 2.2].

Именно по отношению к процессу наименования *других* актуальна категория политкорректности: при ее обсуждении разговор касается дискриминируемых, уязвимых групп, обнажая социальное неравенство. Существует немало различных (как более узких, так и широких) пониманий и определений политкорректности (см., например: [Andrews 1996; Цурикова 2001; Hughes 2010; Майба 2012; Романова 2015]; см. историю возникновения понятия: [Шарапова, Кобенко 2014]). Как правило, выделяются языковой и социокультурный аспекты. Так, Норман Фэрклоу предлагает рассматривать политкорректность в свете «культурного» сдвига в политике в сторону признания идентичностей и различий как часть «культурного» и «языкового» поворота [Fairclough 2003: 19]. Как считает Фэрклоу, дискурс *может*, но необязательно *должен* менять социальные практики [Fairclough 2003: 23]. В данной статье под политкорректностью будет пониматься идеология, призывающая избегать дискриминирующих названий той или иной группы.

Отмечается, что уже «сложилось понимание языка политкорректности как преимущественно эвфемистичного» [Майба 2012: 102]. Образование *эвфемизмов* (заменяющих единиц) представляет собой способ вытеснения нежелательных или табуированных слов. При этом многие выражения, которые сформировались как эвфемизмы, в скором времени приобретают негативные коннотации, «заражаясь табуированной темой», и снова нуждаются в замене [Allan, BurrIDGE 2006: 99]. В качестве эвфемизмов могут употребляться номинации с общим смыслом, например *special* ‘особый’; номинации из нескольких компонентов, один из которых постоянный, например *abled* ‘имеющий определенные физические возможности’: *differently abled* или *otherly abled* ‘с иными физическими возможностями’ [Панин 2004: 14], *alternatively abled*; аббревиатуры и термины [Крысин 1994];

¹ Идентичность — «представления о том, кем являемся мы сами и другие люди, и наоборот, их представления о том, кем являются они сами и другие люди (включая нас)» [Jenkins 2004: 5]. Иметь идентичность для говорящего, слушающего или того, о ком говорят, значит «быть включенным в некую категорию с характеристиками и свойствами, которые ассоциируются с ней» [Antaki, Widdicombe 1998: 3].

«словосочетания, которые передают суть состояния человека через упоминание средства реабилитации» (*wheelchair users*) [Воронцова, Комиссарова 2019¹: 445]. Что касается категории *табу*, т.е. запрета на использование каких-то единиц, она вряд ли применима в нашем случае. Речь идет не о запретах, а скорее о тенденциях, изменениях в языке под влиянием тех или иных идеологий и социально-культурных процессов.

2. Материал исследования

Материал исследования составили:

- тексты СМИ и видеорепортажи, где затрагиваются проблемы инвалидности;
- публикации и комментарии, размещенные в социальных сетях;
- интервью с респондентами с инвалидностью и их родственниками (15 интервью, проведенных при личной встрече и онлайн);
- зафиксированные примеры из спонтанной устной речи: разговоров, свидетелем или участником которых оказывался автор;
- результаты наблюдения за инклюзивной мастерской;
- данные Генерального интернет-корпуса русского языка (ГИКРЯ)², привлекаемые для проверки частотности слов.

Из материала извлекались номинации людей с инвалидностью (разных подкатегорий), а также различные способы референции. Выбранные единицы помещены в базу данных со следующими полями: наименование; более полная цитата; вид текста (видео / статья / пост / интервью / спонтанная речь); в случае интернет-публикации — название, ссылка, тип статьи или репортажа. В настоящий момент в базе 420 вхождений, помимо извлечений из веб-корпуса.

Участники интервью — молодые и взрослые люди с инвалидностью, а также их родственники. Поиск респондентов осуществлялся через знакомых и обращение к представителям сообществ с предложением принять участие в интервью. Интервью проводились в форме свободной беседы, вопросы касались отношения к разным языковым единицам (например, «какие слова вам нравятся, а какие — нет»), а также личного опыта

¹ В статье на материале англоязычных публикаций и их переводов рассматриваются различные типы и примеры эвфемистических наименований людей с инвалидностью.

² Многие слова, используемые для наименования людей с инвалидностью, отсутствуют в Национальном корпусе русского языка. Поэтому был выбран один из доступных веб-корпусов, охватывающий коллекцию ресурсов Рунета (новостей, «ВКонтакте», «Живого Журнала», блогов «Мейл.ру», «Журнального зала») в более чем 20 млрд слов, в основном до 2016 г., — ГИКРЯ <<http://www.webcorpora.ru/>>.

(например, «вспомните случаи, когда поведение по отношению к вам показалось обидным») и практик («как вас обычно называют в тех или иных ситуациях, какие слова вы употребляете»). Кроме того, респондентам предлагалось высказаться по поводу вариантов наименований, собранных из различных источников.

С разрешения респондентов в статье приводятся их настоящие имена с указанием инвалидности так, как захотел каждый из них. Кроме того, по желанию некоторых собеседников добавлена другая информация — о профессии и месте работы. Все участники осведомлены о целях исследования и дали согласие на запись, им также было предложено ознакомиться с текстом статьи до публикации.

3. Изменения в публичном дискурсе и принципах наименования

В последнее время российский дискурс об инвалидности претерпевает значительные изменения. Заимствуются западные идеологии, а также модели и установки. На смену медицинскому пониманию инвалидности как нарушения и болезни приходит социальная модель, согласно которой барьеры для людей с инвалидностью создаются не столько их недугами, сколько социальными практиками [Shakespeare 2010]¹.

В результате публичного обсуждения повышается осознанность части общества в вопросах наименований и шире — в принципах построения дискурса об инвалидности (как о ней говорить). В целом можно выделить две волны изменений. Первая из них — переосмысление терминов, традиционно используемых для обозначения того или иного состояния организма. Одна из основных идеологий этой волны — политкорректность. На нее в большинстве случаев так или иначе ориентируются журналисты, а также многие из опрошенных. Другой важный принцип — «сначала человек» (person / people first) — гласит, что на первое место в номинации следует ставить слово *человек* или *люди*, а потом указывать на диагноз / особенность, так как наименование по диагнозу сводит идентичность к одному аспекту. В русле этой логики рекомендуется вместо *инвалид* говорить *человек с инвалидностью* [Такие дела], вместо *даун* — *человек с синдромом Дауна* [Культура]; «Очень простое правило, нельзя *очкарик*, можно *человек в очках!*» (из чата, участник с ДЦП). К первой волне относится изобретение эвфемистических наименований для детских состояний, например *солнечные дети*, *особенные дети*.

¹ Так, в рамках социальной модели инвалидности умственная отсталость определяется как «конструкт, значение которого меняется под влиянием индивидов, иницирующих и осуществляющих политику, программы и практики, и социального контекста, на которые эти индивиды ориентируются» [Trent 1995: 2].

Вторая волна изменений связана с признанием инвалидности важной составляющей идентичности. Эта волна характеризуется отторжением части новых терминов и на данный момент коснулась только некоторых видов инвалидности. Представители ряда сообществ стали выступать против новых «политкорректных» наименований. Так, многие *глухие* не согласны с рекомендацией использовать номинацию, образованную при помощи приставки *не-* — *неслышащий* [Культура; Такие дела], и предпочитают старое название¹. Такую точку зрения высказал Влад (слабослышащий, сурдопедагог, специалист по доступности и инклюзии в учреждениях культуры, переводчик русского жестового языка)². При этом он соглашается с тем, что некорректным наименованием является *глухонемой*, так как его употребление свидетельствует о полном непонимании состояния: во-первых, «глухота и немота — не связанные заболевания», а во-вторых, при нарушении слуха «человек может общаться, используя жестовый язык». Между тем, как рассказывает Влад, один из общепринятых жестов для понятия *глухой* включает указание на рот и на уши, т.е. этимологически соответствует термину *глухонемой*. При этом некоторым людям с соответствующим диагнозом больше нравится вариант *неслышащий*, а кто-то предлагает использовать медицинский термин *тугоухий*. Аналогичным образом, хотя в рекомендациях предлагается заменять *слепой* на *незрячий*³ [Культура], некоторым людям по душе именно старый вариант: «Когда я в первый раз назвал в лицо человека “незрячей”, она ответила: “Да, я слепая!”» — рассказывает Алексей, мой собеседник без инвалидности.

Вход новых идеологий в информационное поле приводит к увеличению количества языковых вариантов, например *аутист*, *человек с РАС / аутизмом / расстройством аутистического спектра*, *аутичный / нейроотличный человек*; *в спектре*, *на спектре*⁴. Приведем некоторые примеры из публикаций и комментариев в социальных сетях: «Обратите внимание на ролики Нияны: <[youtube.com/user/Niyana9](https://www.youtube.com/user/Niyana9)>. Она — взрослая аутистка и педагог. <...> Говорю это как взрослый аутист»; «Все тесты дали высокий

¹ При этом используются и другие варианты: *неслышащий*, *слабослышащий*, *человек с инвалидностью по слуху / пользующийся жестовым языком / с нарушением слуха*, *тугоухий*.

² Как говорит респондент, важно избегать выражений *сурдопереводчик* и *переводчик с языка жестов*, подчеркивая статус *жестового языка*.

³ Кроме того, важна разница между *слепым / незрячим* и *слабовидящим*: последний, имея 5 % остаточного зрения, может обидеться, если его назовут *слепым*.

⁴ Еще один вариант, позволяющий обойти стороной проблему наименования, — констатация наличия диагноза: «Виктору тридцать четыре. У него аутизм и вторая группа инвалидности. Он высокий и сильный, но боится смотреть в глаза и не способен за себя постоять» [Валоти Алебарди 2021]. Кроме того, иногда за людей с инвалидностью высказываются их близкие: «Сколько видела аутистов — им было глубоко начхать, как их называют. Мой, например, даже не в курсе, что он — аутист. Это вне сферы его интересов абсолютно» (комментарий в интернете).

результат и показали, что я в спектре»; «Я аутичная и у меня проблема. Хочу найти аутичных друзей Java-программистов»; «Я являюсь аутичным человеком. Я являюсь нейроотличным человеком в широком смысле, и аутичность — это одно из моих нейроотличий, адвокацией которых я занимаюсь». Часть людей, у которых диагностирован аутизм, называют себя *аутистами*, *аутичными* или *нейроотличными*, подчеркивая важность этой составляющей их идентичности. Согласно новой установке, аутизм является не болезнью, а вариантом *нейроразнообразия* (куда попадают и *нейротипичные* люди, но которые при этом не считаются единственной нормой) [«Положительно аутичный» 2019] (происхождение и критическое осмысление модели *нейроразнообразия* см. в: [Ортега 2020]). Некоторые представители сообществ, таким образом, опираются на идеологию «сначала идентичность» (identity first), которая также заимствуется из европейского дискурса, но не распространена в российском. Кроме того, при аргументации проводится параллель с другими сообществами: «Мы же не говорим *человек с чернокожестью / лесбийством / армянкостью*» (Джей, личный опыт нейроотличности). Еще одним важным современным принципом считается «ничего о нас без нас» (подробнее см., например: [Ортега 2020]): при разговоре о той или иной группе людей необходимо ориентироваться на их мнение и включать в дискуссию, а также шире — по возможности привлекать к любой деятельности, связанной с данной группой, ее представителей. При этом иногда оказывается, что наиболее прогрессивные самоназвания известны только крайне ограниченному кругу людей.

В публичный и бытовой дискурсы входят обсуждения состояний и диагнозов, которые ранее встречались только в профессиональном контексте. Становясь известными большему числу людей, названия диагнозов неизбежно начинают употребляться в переносном значении. Так, «аутистами» и «даунами» обзываются в школах¹.

Для активистов, голоса которых все слышнее в публичном пространстве, характерно осознанное отношение к выбору наименования, цитирование идеологий, которые считаются более прогрессивными, и четкое формулирование запретов. Так, Наталья, депутат, «блогер на колесах», рассказала, что посетила семинар организации «Перспектива», после чего у нее ушло две недели на то, чтобы «переучиться» и начать употреблять «пра-

¹ Хотя термины на слуху, осведомленность об особенностях диагнозов остается в целом низкой. Многие родители воспринимают негативно идею инклюзивного образования и предложение включить в общеобразовательные классы детей с РАС (с этим я столкнулась, когда рассылала ссылку на опрос социологов среди своих знакомых): «У них есть коррекционные школы, что им еще надо?! Пусть там и сидят!»

вильные» слова. Другая активистка Алена (художница, на коляске) перечисляет четкие запреты, призывая к борьбе с *эйблизмом* (от англ. *ableism* — «дискриминация людей с особенностями здоровья и развития, а также создание и распространение стереотипов о них» [Плошкина 2020]): «безумный — *эйблизм*, даун — *эйблизм*, паралитик — *эйблизм*. Слепой тоже лучше не говорить, лучше говорить *незрячий* или *слабовидящий*, если речь идет о человеке, у которого остаточное зрение еще есть». В категорию *эйблизмов*, с ее точки зрения, попадают и общепотребительные слова наподобие прилагательного *безумный*, теряющие семантическую связь с медицинским контекстом. Таким образом, идеология борьбы с такими словами становится в ряд с политкорректностью, призывая распознавать и заменять дискриминирующие номинации.

Говоря о наименованиях уязвимых групп, важно помнить о том, что в обсуждение их проблем включается только часть российского общества. Между дискурсом продвинутых активистов и обывательским лежит огромная пропасть. Носители языка во многих случаях не задумываются о том, что слова могут обидеть или, даже зная об этом, не стараются избегать негативно окрашенных вариантов или менять свои практики¹. Помимо наименований, появляющихся в результате поиска новых «неиспорченных» вариантов, используются и другие единицы, которые многими считаются некорректными. Прагматика языкового выбора оказывается иной: заведомо обидные и стигматизированные слова употребляются, чтобы выразить негативное отношение, подчеркивая грань между *своими* и *другими*. Так, в комментариях к интернет-публикациям зафиксированы следующие единицы: *олигофрены*, *дебилы*, *идиоты*, *имбецилы*² по отношению к людям с ментальными особенностями.

¹ Многие не знают, как вести себя с людьми с теми или иными состояниями: «Сюсюкают — это как когда люди не знают, как обращаться как с инвалидом <...>, видеть ребенка: если человек видит, что у меня плохая речь, он делает вывод, что я умственно неполноценный» (Денис, постинсультное состояние). Еще один пример из социальной сети: «Ага, слепой, глухой, глубокий инвалид может высказаться и написать жалобу», — в дискуссии о том, есть ли необходимость ребенку с множественными нарушениями путешествовать. Вместе с тем некоторые респонденты отметили положительные перемены: «Есть серьезные подвижки, например, в восприятии людей с синдромом Дауна. Чем больше они включены в социум вокруг нас, тем лучше и им, и нам: мы не знаем, как реагировать»; «Дети, вероятно, повинувшись западным моделям (видят в сериалах, фильмах), совершенно нормально воспринимают человека, который плохо ходит» (Алексей, преподаватель английского с рассеянным склерозом).

² Как рассказала Юлия, «хотя, согласно этическим нормам общения, эти термины не употребляются, они могут использоваться в среде медицинских специалистов и дефектологов». Мельник Юлия Владимировна, участница интервью, — кандидат педагогических наук, ведущий специалист Центра развития региональных систем инклюзивного профессионального образования ФГАУ ДПО «Государственный институт новых форм обучения» (с ДЦП).

4. Модели наименований, характерные для СМИ

Люди с...

Слова, которые используются для наименований тех или иных групп, играют ключевую роль в конструировании их идентичности — это положение в большей степени касается публично-дискурса и накладывает серьезную ответственность на СМИ. Хотя важным журналистским принципом является уточнить предпочтения у самих представителей сообществ, этого может оказаться недостаточно, прежде всего потому что мнения людей различаются. Кроме того, варьируются как цели публикации, так и степень осознанности в выборе наименований. К тому же накладывается жанровое ограничение на повторы: в результате в одном тексте встречаются различные номинации для одной категории людей.

Для СМИ, нацеленных на широкую аудиторию, самой продуктивной и распространенной моделью является *человек / люди*¹ *с + инвалидностью / термин (название состояния)*, за которой стоит идеологическая установка «сначала человек». Использование такой модели демонстрирует следование соответствующей идеологии, а также принципу политкорректности. Помимо варианта *люди с инвалидностью*, существует много других способов назвать категорию, подставляя после предлога «с» разные продолжения:

- *с особыми / повышенными / дополнительными потребностями* («По Конвенции ООН о правах инвалидов человек с особыми² потребностями должен быть всесторонне вовлечен в жизнь общества» [Культура]; «На различных тематических интернет-площадках, где общаются инвалиды и их близкие, часто можно встретить очень странные споры в духе “мы — люди с ограниченными возможностями или с повышенными потребностями?” Якобы второе куда толерантнее первого» [Люди 2020]);
- *с ограниченными возможностями (здоровья) / способностями* («В Европе инвалиды — это “люди с повышенными потребностями”, а в России — это “люди с ограниченными возможностями”» [forum-invalidov 2015]; «Ну, ограниченные способности как-то тоже жизнерадостнее, чем ограниченные возможности. Как будто у них каких-то возможностей нет» (Наталья, приемная мать детей с инвалидностью));

¹ Отметим, что также используются варианты с указанием гендера, например *женщины с инвалидностью*, но в таком случае речь уже идет не об общем наименовании. Также встречается вариант «на инвалидности» («Мы говорили бабушка на инвалидности» (Мария, мать автора)).

² Номинация *с особыми потребностями* характерна в большей степени для профессионального дискурса, в первую очередь педагогического, где употребляется как термин; подробнее см. раздел 6.

- с особенностями развития («Как люди с особенностями развития могут жить самостоятельно и работать» [Платонова 2019]);
- с (любыми / разными) нарушениями / множественными нарушениями (для случаев, когда у человека несколько диагнозов) («Перспективы» всячески настаивают на соблюдении конвенции о правах инвалидов и на том, что люди с любыми нарушениями должны пользоваться услугами и возможностями, которые есть у обычных людей» [Автобусы 2020]);
- с опытом инвалидности (формулировку упомянули два респондента, предлагая также варианты с указанием конкретного диагноза — с опытом ДЦП).

По данной модели образуются наименования для конкретных диагнозов (например, *человек с аутизмом*, *с потерей зрения*, *человек с глухотой*), которые получают неоднозначную оценку среди представителей соответствующих групп. Номинации, образованные по данной модели, различаются по следующим критериям: терминологичности, степени эвфемизации и количеству слов, дополнительным смысловым оттенкам, на которые обращают внимание люди с инвалидностью.

Многие респонденты высказываются против эвфемистических вариантов. Для примера рассмотрим аргументы, которые приводятся против номинации *люди с ограниченными возможностями*. Этот вариант характерен для официального дискурса чиновников и относительно распространен. Так, поиск по корпусу ГИКРЯ дает 11 263 результата (IPM¹ ~0.572) (из них «с ограниченными возможностями здоровья» — 1396 случаев). «Люди с ограниченными возможностями бесит... Это такой эвфемизм, которым прикрывают нежелание сказать *инвалидность*. <...> Слова прикрывают страх. Люди, когда произносят, думают, что они такие прогрессивные, толерантные, пользуются таким словарем», — возмущается в беседе Анна, журналистка с приобретенной инвалидностью. Она добавляет, что подобные номинации делают людей с инвалидностью «невидимыми»: «Если не говоришь слово *инвалидность*, продолжаешь держать в невидимой зоне»; «ограниченные возможности — это тупо. Ты как человек без инвалидности говоришь, ты с высоты здорового тела решаешь за другого человека. <...> *Ограниченные возможности* обесценивает мою жизнь! Не хочу быть источником вдохновения для других. Мой опыт — хочу, чтобы это было видимо». Таким образом, негативную реакцию вызывает не только семантика выражения, но и претензия на прогрессив-

¹ IPM (instances per million) — число вхождений на миллион слов в корпусе. Поиск осуществлялся по соответствующим *леммам*, т.е. результаты включают все словоформы.

ность, а кроме того, порядок в целом, когда выбор наименования делается представителями большинства, или репрезентация инвалидности как источника вдохновения.

В целом по результатам интервью нет ни одного варианта общего наименования, который бы нравился абсолютно всем. Самым приемлемым для большинства является *человек с инвалидностью*: «Ну так вот, поэтому, как кажется, самый безобидный и в то же время называющий вещи своими именами термин — это *люди с инвалидностью*» (из чата). При этом он не всегда подходит для обозначения людей с ментальными особенностями, как говорилось выше, с точки зрения идеологии *нейро-разнообразия*.

По отношению к *людям с ментальными особенностями* в интернет-публикациях и на сайтах учреждений используются следующие варианты модели *люди с...*:

- *с ментальными особенностями / особенностями¹ развития / интеллектуального развития / развития психики и интеллекта*: «“Простые вещи” — это 6 мастерских (керамическая, столярная, швейная, графическая, кулинарная, арт-студия) в Петербурге, где работают взрослые люди с ментальными особенностями» [Простые вещи]; «Инклюзивные мастерские “Простые вещи” — это открытое пространство в Санкт-Петербурге, где взрослые люди с особенностями развития психики и интеллекта работают и занимаются творчеством на равных с мастерами и волонтерами в 6 мастерских» [Товары]².
- *с нарушениями развития*: «Люди с нарушениями развития нуждаются не в обслуживании, а в сопровождении» [Алленова 2021]; *с интеллектуальными / ментальными / психическими / умственными нарушениями*: «Специалисты медиалаборатории Центра лечебной педагогики “Особое детство” впервые провели мероприятие в формате быстрых знакомств для людей с психическими нарушениями, чтобы научить их общаться, не стесняться рассказывать о себе и находить друзей» [Экспресс 2021];
- *с ментальной инвалидностью; с инвалидностью по психическому расстройству*: «Понимают ли люди с ментальной инвалидностью, что у них ментальная инвалидность? Боль-

¹ Варианты *особые, особенные* рассматриваются ниже.

² Во время подготовки статьи текст на сайте «Простых вещей» был изменен. Сейчас приведенная формулировка «люди с особенностями развития психики и интеллекта» цитируется другими источниками, такими как [Товары], со ссылкой на сайт «Простых вещей». То, что на сайте используются разные наименования, а также меняется текст, свидетельствует, что нет ясности по поводу того, какие выражения следует употреблять по отношению к сотрудникам мастерских. Поиск языка, на котором следует говорить об этой уязвимой категории, продолжается.

шинство людей с инвалидностью по психическому расстройству понимают, что им присвоена группа инвалидности. Часть людей с психическими расстройствами не понимают, что они — люди с инвалидностью» [Лебедев 2019];

- с ограниченными возможностями психического здоровья: «Наш проект “Инклюзивные ремесленные мастерские центра “Чистые Ключи” для взрослых людей с ограниченными возможностями психического здоровья” получит финансовую поддержку фонда президентских грантов» [Чистые ключи 2021].

Выбор наименования для этой категории оказывается наиболее сложным и противоречивым, поэтому часто используются эвфемизмы, например: «Когда *на голову* — это тяжело. Вот это самый незащищенный у нас такой класс» (Елена, на коляске). Более эвфемистические варианты с лексемой «особенности» содержательно частично соответствуют понятию *люди с ментальной инвалидностью*, но не полностью совпадают с ним. В общую категорию *ментальных особенностей* попадают состояния, которые сильно отличаются друг от друга, а некоторые из них кем-то считаются болезнью или нарушением, а кем-то — нет. При этом на сайтах проектов часто разные варианты наименований употребляются как синонимы (см., например: [Простые вещи])¹. Среди людей, которых относят к этой категории, нет однозначных предпочтений, прежде всего по той причине, что она слишком обширна и выделяется скорее на социальном, нежели медицинском основании.

Кроме того, политкорректные варианты оказываются неизвестными гражданам. Так, на вопрос «Как вы понимаете выражение *люди с ментальными особенностями?*», заданный в социальной сети, среди прочих были получены такие варианты: «Наверное, особенности, связанные с головным мозгом»; «больные люди»; «люди с умственными расстройствами»; «Не уверен, наверное, люди, здоровые физически, но имеющие другие заболевания»; «Не знаю, не использую это выражение»; «Мозг недостаточно развит»; «Психопаты»².

¹ Ср. также информацию об организации на сайте «Нужна помощь», где в одном абзаце употребляются три варианта номинаций: «“Простые вещи” — 6 мастерских, в которых люди с ментальными особенностями наравне с мастерами создают красивые и качественные предметы: посуду, текстиль, деревянные вещи, варят джемы и карамель. Простыми вещами приятно обладать, но главное — за каждой вещью стоит полноценная жизнь человека с особенностями психики и интеллекта, спокойная жизнь его близких, принимающее сообщество сотрудников и волонтеров, которые сегодня строят устойчивую систему для того, чтобы люди с ментальной инвалидностью в России могли работать на оплачиваемой работе и жить обычной жизнью среди людей, а не оставаться в изоляции» [Нужна помощь].

² Опрос проведен автором летом 2021 г., онлайн-форма доступна по ссылке: <<https://forms.gle/dtT6bAmyvTEhofp7>>.

Диагноз + профессия

Эта модель позволяет указать и диагноз, и профессию, не сводя идентичность к одной составляющей, например: «Далеко не каждый физически здоровый и сильный человек отважится заняться альпинизмом, поэтому в 2001 году люди с трудом верили облетевшей весь мир сенсационной вести о покорении самой высокой горной вершины Эвереста слепым альпинистом» [Эрик Вейенмайер 2010]. В данном случае слепота спортсмена становится принципиальным обстоятельством для создания новости: если его опустить, то теряется основа сюжета, зрячие альпинисты не раз покоряли вершину. Кроме того, новость опубликована в специальном издании, и указание диагноза играет роль в конструировании идентичности сообщества. При возможности предпочтение отдается конкретному диагнозу, нежели общему названию.

Стоит ли включить в название выставки, что художник был *глухим / слабослышащим*, или вообще не указывать на эту особенность, может стать предметом обсуждения и разногласий. Влад (слабослышащий, специалист по доступности и инклюзии в учреждениях культуры) рассказывает, что при организации выставки настаивал на том, чтобы называть диагноз: «Карл Гампельн. Глухой художник» (дополнительным аргументом было и то, что сам художник подписывал свои картины с добавлением фр. “Sourd-muet” ‘глухонемой’). Как отметил респондент, на мероприятие пришло множество глухих и слабослышащих людей, которым было важно именно это обстоятельство. В другой аналогичной выставке было принято решение исключить указание на диагноз художника.

Модель *особый / особенный + профессия* используется по отношению как к физической, так и к ментальной инвалидности. Картины, нарисованные *особенными художниками*, выделяются в отдельную область искусства. Таким образом, с одной стороны, инвалидность может использоваться для продвижения произведения. С другой стороны, иногда данный термин не нравится самим художникам из-за коннотативного оттенка снисходительности к непрофессиональным поделкам. Специализированные онлайн-сообщества, посвященные искусству людей с инвалидностью, предпочитают другие наименования, например «художники, проживающие в психоневрологических интернатах и других учреждениях» [Лунев 2018].

Нужно отметить, что продуктивность модели зависит от структурных ограничений, распространенности диагноза и, как следствие, от того, насколько слово освоено языком. Так, на данный момент нет прилагательных, образованных от слово-

сочетаний *рассеянный склероз* или *синдром Аспергера*¹. В не медицинского контекста *склеротичный* употребляется преимущественно в переносном, резко негативном смысле либо иронически: «я склеротичный долбодятел шью кукол и пишу стихи уже давно немного спятил», — поиск по ГИКРЯ дает 342 вхождения (IPM ~0.018) (ср.: аналогичный поиск по запросу *аутичный* находит 4660 случаев, IPM ~0.238).

5. *Инвалид*: значения, употребление и идеологии

Несмотря на возрастающее количество вариантов общих наименований, самым частотным остается слово *инвалид*². Так, в веб-корпусе ГИКРЯ обнаруживается 247 612 вхождения, IPM ~12.567. Аналогичный поиск по запросу *человек / люди с инвалидностью* дает значительно меньше результатов — 2464, IPM ~0.127, т.е. встречается реже в 100 раз. Рекомендации избегать этого слова оказываются актуальными прежде всего для той части медиадискурса, где журналисты более осознанно подходят к выбору наименования и хотят продемонстрировать знание современных правил. Между тем слово *инвалид* используется в новостных сюжетах, когда человек выступает в роли жертвы, например: «Скандал в подмосковном Звенигороде: за издевательства над пациентом уволен заводделением местного психоневрологического интерната. Кадры, на которых доктор сбрасывает инвалида с кровати, а затем таскает его за волосы, попали в интернет» [Издательства 2017]. Кроме того, слово *инвалид* употребляется с целью повышения статуса достижения и создания новости, например в таких сочетаниях, как *инвалид-каскадер* или *инвалид-спортсмен* (из названий постов в Facebook). Такая модель наименования не понравилась части респондентов: «*Инвалид-спортсмен* — хочется в торт лицом! — восклицает Алексей (с рассеянным склерозом). — Конечно, нужно искать формулировки, но давайте лучше *каскадер с инвалидностью, спортсмен с инвалидностью*».

Люди по-разному пользуются одним и тем же словом, вкладывая в него разные смыслы. В устной речи слово *инвалид* употребляется и в более узком значении — ‘человек, который не может ходить’. Ниже представлен диалог, записанный в боль-

¹ Между тем уже реализованы структурные возможности образования краткой формы (ср. англ. *aspie*): «Я аспие, заканчиваю 10 класс, и меня не покидает страх о том, что через год мне надо будет поступать в вуз» (комментарий в социальной сети). Следующим шагом станет (или, возможно, уже где-то стало) и образование прилагательного.

² Значение, зафиксированное в толковом словаре Ожегова: «Человек, к-рый полностью или частично лишен трудоспособности вследствие какой-н. аномалии, ранения, увечья, болезни» [Толковый словарь Ожегова]. Устаревшее значение представлено в словаре Даля: «с франц. отслуживший, заслуженный воин, неспособный к службе за увечьем, ранами, дряхлостью» [Толковый словарь Даля] и аналогичное — в словаре русского языка XVIII в. [Словарь русского языка 1997: 90].

нице. Речь идет о мальчике, попавшем в аварию и передвигающемся на аппаратуре, но стоя: «— Теперь инвалидом будет! — Он же ходит, он не будет инвалидом!» Следующий пример из бытового разговора иллюстрирует еще одно понимание слова — ‘человек с медицинским диагнозом, которому положены определенные льготы’: «Есть друг, после инсульта, он ходит, но с палочкой, к приходу инспектора лежит неделю в кровати. Но он *реальный инвалид*». Кроме того, медицинская категория *инвалидность* имеет три группы, «настоящими» *инвалидами* из них зачастую считаются только те, у кого первая. Важно также и то, возникают ли ограничения в результате инвалидности: «— У бабы Кати много лет была инвалидность второй группы по сердцу. — И как, ты считаешь ее инвалидом? — Нет, она не была инвалидом, она ни в чем себя не ограничивала. А вот бабушка была инвалидом, она не могла работать. Сначала объявили ее тунейдкой в колхозе из-за того, что она не могла доить корову, но дед отвез ее в Калинин и получил бумаги...» (из беседы с Марией, матерью автора). На данном примере наглядно демонстрируется различие между медицинским и бытовым контекстом.

Как и любым другим, словом *инвалид* можно обидеть, если произнести его «как обзывательство», т.е. не так важно, что за слово, а важна интонация и контекст — что этим словом делает говорящий. Об этом рассказывают две девушки с различными особенностями (в том числе ментальными), Н. (25 лет) и М. (17 лет):

Н.: *Если человека обзвать, то он обидится. Он и так родился таким.*

Е.Р.: *Обидное слово?*

М.: *Конечно, обидно!*

Н.: *Вот, если бы про вас сказали «вот, инвалид сидит»?*

Е.Р.: *А как надо?*

Н.: *Не знаю, лучше никак!*

М.: *Лучше промолчать.*

Как отмечалось выше, о вопросах политкорректности и выборе «правильных» слов задумываются далеко не все. Практики взаимодействия с теми, кто отличается от большинства, иногда остаются прежними, даже в тех случаях, когда человек реагирует крайне негативно. В качестве примера можно привести новостной сюжет о том, как «инвалид, с детства страдающий от оскорблений окружающих, ножом защитил свою честь и достоинство» [Инвалид 2015]. «Ну, *инвалид, хромой, костыль*, то есть всегда вот так вот. Да и до сих пор погоняло Костыль, никто не говорит “Саня” там, как-то так, всем — Костыль», — спокойно рассказывает соседка подсудимого.

Инвалид широко употребляется в переносном значении в бытовых разговорах, например по отношению к противоположной спортивной команде: «Да, там одни инвалиды!»; «Подвинься, что ты как инвалид стоишь!», — женщина супругу при фотографировании. Данный перенос показывает, что «инвалидность» понимается как «неспособность» (инвалид — тот, кто не может нормально бегать, ходить и т.д.).

Отношение людей с инвалидностью к наименованиям и, в частности, к слову *инвалид* сильно варьируется по степени категоричности: встречается весь спектр вариантов, от равнодушного и спокойного до крайне трепетного. Приведу обширную цитату из интервью с Натальей, которую данная тема задела за живое и которая в течение получаса рассказывала про свое негативное отношение к слову *инвалид*: «Это личное все, наверное, потому что в какой-то момент, когда я ухаживала за мамой, я себя поймала на том, что я стала превращаться в такого потребителя. “У меня же мама инвалид! Я ж за ней ухаживаю, мне все *должны* помогать”, вы понимаете. Со словом *инвалид* пришла какая-то жалость, ну, я не знаю, это слово за собой тянет, у него очень большая такая нагрузка нехорошая, что “мне *должны*, пожалуйста меня, дайте мне”. <...> То есть вот это очень тонкий, скользкий момент во всех этих названиях есть, понимаете? Они дают какое-то право такое — ну да, “пожалуйста меня, дайте мне”. <...> Мне кажется слово *инвалид* равно *дармоед*, вот для меня, понимаете. Хотя я понимаю, что мы ограничены. Я сама инвалид. У меня дети инвалиды, мама лежачая была. Но как-то вот, как только себя с этим словом ставишь на одну доску — да, я инвалид, нет, я не инвалид! Да, я болею, но здоровых людей нет! У меня просто такая болезнь, которая меня вот в этом ограничивает» (Наталья, с инвалидностью, приемная мать детей с разными видами инвалидности).

Таким образом, называние себя инвалидом ставит, с точки зрения Натальи, в позицию иждивенца, «дармоеда». Вместе с тем женщина употребляет это слово нейтрально, а кроме того, рассказывает о случаях, когда оно оказывается неизбежным. Дело в том, что *инвалид* широко используется в медицинском и юридическом контекстах, в частности при получении льгот: «Но это слово со мной по жизни идет и вызывает у меня какой-то рвотный рефлекс. Не хочу я так слышать, не хочу я так говорить, но в силу того, что в законе так написано, я должна так говорить и называть в каких-то определенных местах. И мои дети это слышат. И когда мой ребенок, понимаете, из машины кричит, ну, допустим вот у нас знак, что он инвалид, а мы сидим все как бы все, ну, люди, и люди, кто-то за рулем, я пристегнута, кто-то на кресле, нам надо проехать на территорию: “Пусть выйдут и пройдут!” А я инвалид, я хожу плохо, у меня нога как

бы после инсульта, нога-рука-вся левая половина. И значит, подруга, которая за рулем, говорит: “Вот она инвалид”. — “Да что она инвалид?” Так Максим еще сзади: “И я инвалид!” И ручкой своей машет, понимаете?!» О противоречивом и сложном отношении свидетельствует то, что Наталья сама рассказывает, как она говорит детям, что они «не инвалиды», а в других ситуациях они вынуждены называть себя именно так: «Куда денешься? Никуда не денешься: для инвалидов стоят, для инвалидов разрешенный проезд, понимаете. И ребенок с детства вот это слово впитывает. А я говорю: “Ты не инвалид! Ты нормальный пацан!” И у него раздвоение идет личности. Потому что охраннику, чтобы он нас пропустил на территорию, да, мы должны показать документы, что мы инвалиды». Как видно, в определенных контекстах при помощи термина *инвалид* появляется возможность добиться нужного результата, например воспользоваться льготами или особыми условиями, предоставляемыми инвалидам (государством или конкретным учреждением). Иногда можно говорить об инструментальном использовании слова «инвалид» и «исполнении инвалидности» с целью получить блага от государства, т.е. инвалидность оказывается непостоянной, гибкой категорией. Кроме того, Наталья транслирует противоположные установки, которые отражают разные идеологии: с одной стороны, слово *инвалид* равно *неспособный*, поэтому не надо его употреблять; с другой стороны, достижения ценятся выше, если пришлось преодолеть препятствия инвалидности. В этом интервью в наиболее явной степени проявились противоречия между отношением к словам и реальной практикой, а также между установками одного человека.

Елена (на коляске) была также противоречива в своих оценках, выразив в целом более спокойное отношение к словам: «Я считаю, что это какие-то личные комплексы, потому что, вот, как ты ни назови, от этого суть не меняется, да? Как ты назовешь — *колясочником* или *инвалидом*. Для меня *инвалид* — оно как бы тоже абсолютно нормальное [слово], ну, как бы суть от этого не меняется, назовут меня там *человек с повышенными потребностями* или *инвалидом*. <...> Как они говорят *инвалид*, они и считают *инвалидом*; если они будут здоровые маленько говорить *человек с ограниченными возможностями*, у них и в голове будет так же. <...> Ну, вот мне, для инвалида, вот не имеет значения, а вот именно с точки зрения здоровых людей, возможно, это так, по-другому. Да, то есть именно само осознание пойдет по-другому, именно для здоровых, именно вот не для нас, а для здоровых людей. Потому что вот как ты называешь, так ты и чувствуешь». Елена, таким образом, сначала говорит о том, что наименование не влияет на практику, но потом отмечает важность выбора номинации для здорового, т.е. для того,

кто называет *другого*. Здесь формулируется принцип, согласно которому наименование составляет проблему только для тех, кто не входит в данное сообщество или категорию. Добавлю, что в интервью Елена последовательно использовала слово *инвалид* как нейтральный вариант.

Некоторые респонденты выразили абсолютно равнодушное отношение к наименованиям: «*Инвалид* — нормальное слово. Сейчас толерантность, больше парятся здоровые, чем больные¹»; «Нет слов, которые обидны. Откуда вы взяли этот список? Я ни на какие не обижаюсь» (Денис, постинсультное состояние). Подобное мнение высказывают и люди без инвалидности, например из бытового разговора: «Ну, инвалид — и инвалид, ну, черный — и негр, с ума посходили с этой толерантностью». В данной цитате отражается распространенное негативное восприятие толерантности, в ряд с которой многие ставят и политкорректность, видя в этих идеологиях посягательства на социальный порядок.

Однако иногда с помощью слова *инвалид* подчеркивается важность данной составляющей идентичности: «Я *инвалид*, несмотря на то что у меня есть руки и ноги и внешне я никак не отличаюсь от большинства» (пост в социальной сети). Таким образом, употребление слова в качестве самоназвания может быть обусловлено как нейтральным отношением к нему, так и демонстрацией идеологии «сначала идентичность».

6. Модели наименований, используемые внутри сообществ

Различаются нормы, принятые внутри того или иного сообщества и вне его. Так, у людей на колясках принято называть друг друга *колясочниками*: «Это все такого качества, что *колясочникам* приходится покупать дорожные коляски за границей...» (Елена, на коляске). Однако такое наименование может оказаться неприемлемым, если употреблено кем-то извне. Требования политкорректности формулируются прежде всего для тех, кто не является членом сообщества: «Она сама может употреблять все, что она хочет. Человек, который не использует коляску², должен быть корректен в своей речи. Сама она может себя называть кем угодно» (Алена, художница-активист, на коляске).

¹ Употребление слова *больной* по отношению к человеку с инвалидностью также оценивается представителями сообществ неоднозначно, так как за этой языковой единицей стоит соответствующее отношение к состоянию. Кроме того, сложности вызывает подбор выражений для обозначения самых тяжелых состояний (*тяжелобольной*, используются также выражения *паллиативный*, *на паллиативном статусе* и др.).

² Отдельно хотелось бы выделить эвфемистическое словосочетание (*спортивные*) *танцы на колясках* (которому соответствует английский вариант *para dance*) — в русском языке закрепился именно этот вариант названия данного параолимпийского вида спорта.

В настоящий момент вырабатываются новые способы наименования, появляются неологизмы, например слова с морфемой *инва-*: *инвактивизм*, *инвапротест*, *инваледи* (популярный хештег для подписи фотографии). Алена, цитируемая выше, руководитель движения «Инвапротест»¹, акции, посвященной женщинам с инвалидностью, пострадавшим от домашнего насилия, рассказывает: «Мы делаем кальку со слова *фемактивизм* (*феминистский активизм*). Говорить *инвалидный активизм* — это очень плохо, и для сокращения, для простоты объяснения каких-то понятий и ситуаций мы просто взяли и стали сокращать слово *инвалидность* до слова *инва*, мы делаем видимыми проблемы домашнего насилия над женщинами с инвалидностью в России. С нами сотрудничают в качестве героинь и просто как участницы рабочей группы над проектом женщины с ментальной инвалидностью тоже».

Суффиксы *-ник*, *-ик*, *-онок* / *-ат*

Внутри сообществ распространены жаргонные единицы с суффиксами *-ик*, *ник*: *травмики*, *ментальники*, *спинальники*, *опорники*, *эресники* (с рассеянным склерозом). Из интервью с Еленой: «А когда *травмики*, ну, я не знаю, труднее им или не труднее, но перебороть момент, когда ты вроде здоров, но вот резко с тобой что-то случилось...»; «Это идет опять психологически: те, которые “я не инвалид”, это идет закрытый момент, ну, вот у *спинальников* — да, вот которые травму получили и они потом себя настроили на это вот все, что “я такой же, я сильный-сильный-сильный” — у них, это тоже стадии, это проходит. Если мы говорим о *спинальниках*, о тех, кто здоровый сел в коляску, они же вот много времени тратят на реабилитацию...» (Елена, на коляске); «Есть сообщество *эресников* — Розовый Слоно, мы в сообществе *слонятами* называем» (Алексей, преподаватель английского с рассеянным склерозом).

Кроме того, внутри коллектива используются местные способы референции, в том числе позволяющие избегать обозначения недуга. В «инклюзивной мастерской для людей с особенностями развития психики и интеллекта», которую я посещала в качестве волонтера, не возникает сложностей: сотрудников называют или по именам, или при необходимости обозначить группу сотрудников используется общее название «ребята», которое всем понятно. Сложности возникают, когда необходимо объяснить посетителям: «При *ребятах* не очень удобно. Варианта не сложилось. Спрашивают с улицы, и им как-то хочется объяснить, потому что ребята все тоже идут встречать» (инструктор ин-

¹ Алена была одним из организаторов фестиваля «Женщины. Инвалидность. Феминизм» (подробнее см.: <<https://invagirl.ru>>).

клюдивной мастерской). Как рассказывают сотрудники организации, большинству людей, случайно зашедших с улицы, неизвестно значение слова «инклюдивный».

В сообществах родителей иногда используются названия с суффиксами *онок / ат*, например сайт «Аутенок»: <<http://aytenok.ru>>¹. Единицы *дауенок*, *аутенок* критикуются за неприемлемость в публичном дискурсе.

Эвфемизмы

Достаточно распространенным вариантом для родительских сообществ является эвфемизм *особый / особенный*, например: «Думайте, что Вам вздумается 😊 я обожаю свою особенную дочь ♡ ♡ ♡ я благодарна за нее небесам 🙏 🙏 🙏 когда мы с ней куда то выезжаем в люди, я всегда с гордо поднятой головой везу инвалидную коляску» (из обсуждения в социальной сети). Когда я познакомилась с волонтером в инклюдивной мастерской, она так ответила на мой вопрос про возраст сына: «Тринадцать. Он у меня *особенный* слегка», покрутив при этом рукой у головы. В данном случае можно предложить две интерпретации жеста: прилагательное само по себе не передает актуальное значение (так как «каждый ребенок особенный»), либо жест является сопровождающим и в меньшей степени осознанным. К корню *-особ-* также присоединяется суффикс *енок/ат*: группа в социальной сети «Наши особята»²; «А что он умеет делать? Что понимает? Особята ведь разные все»; «Мама двоих девочек, одна из которых — “особёнок”» (комментарии в социальной сети).

Называние детских заболеваний, по-видимому, является нежелательным во многих контекстах, о чем свидетельствуют различные эвфемизмы: *дети-бабочки* («Благотворительный фонд “Дети-бабочки” занимается всесторонней помощью детям с редким генетическим заболеванием — буллезным эпидермолизом»), *солнечные дети* («В цивилизованном обществе даунят называют солнечными детьми»; «Дауенок — солнечный ребенок!» [Анохин 2013]); *дети-ангелы* («Живу с моим ангелочком уже скоро 15 лет, а до сих пор не могу без слез смотреть на других детей-ангелочков», комментарий в социальной сети). Хотя во многих случаях такие выражения требуют пояснений или отдается предпочтение номинациям с указанием диагноза, в родительских группах эвфемизмы продолжают использоваться.

¹ Если посмотреть на относительную частотность этих слов, они не популярны. Так, поиск по лемме «дауенок» в корпусе ГИКРЯ дает всего 389 случаев (IPM ~0.021), а «аутенок» — 41 случай.

² Некоторые респонденты рассказывают, что придумывают свои, например: «Я их называю особисты, откуда-то идет из сленга заключенных» (Наталья, психиатр, приемная мать детей с инвалидностью).

Эвфемизм *особый* употребляется и по отношению к взрослым, как правило в контексте организации труда или в СМИ, когда интервью дают соответствующие специалисты: «Прежде чем устроиться на работу, “особый” взрослый должен пройти проф-ориентацию и профобучение. И проблемы могут возникнуть на каждом этапе. “Наши представления о том, что может и чего не может человек с тяжелыми нарушениями, очень изменились”, — подчеркивает председатель правления ЦЛП “Особое детство” Анна Битова» [Сурнина 2020].

В образовательном контексте распространена номинация *лица с особыми образовательными потребностями*, которая содержит эвфемистический компонент. При этом, как замечает Юлия (специалист Центра развития региональных систем инклюзивного профессионального образования, с ДЦП), «особые потребности — это не только инвалидность, это и одаренный ребенок, и мигранты, и беженцы, и представители меньшинств». Еще одна профессиональная номинация — *ребенок с особенностями психофизического развития*. С точки зрения Юлии, термин предпочтительнее, чем краткий эвфемизм *особенный*, с которым следует быть «аккуратнее», так как вкладывание «оттенков исключительности может негативно сказаться при воспитании». Впрочем, семантический компонент особенности внутри терминологического выражения позволяет стереть дискурсивную границу между своими и *другими*: «Если мы задумаемся, каждый из нас имеет какие-то особенности психофизического развития» (Юлия).

Аббревиатуры

Аббревиатуры распространены внутри профессиональных и родительских онлайн-сообществ, например: «Утренняя зарядка для детей с ФАС¹, СДВГ² и другими особенностями»; «У меня такой ребенок, весь перечисленный список + ФАС + УО³»; «Тот класс у меня обычный, но там также занимаются особята (1 мальчик с РДА⁴, 1 мальчик с СДВГ)». Аббревиатуры удовлетворяют критерию краткости, не являются стигматизированными, как полные наименования, а также иногда выполняют функцию местного жаргона.

Аббревиатура ДЦП больше распространена, чем полное название, еще и потому что, по-видимому, слово *паралич* является крайне нежелательным, особенно если речь идет о детях. Так,

¹ Фетальный алкогольный синдром.

² Синдром дефицита внимания и гиперактивности.

³ Умственная отсталость.

⁴ Ранний детский аутизм.

запрос ДЦП дает 16 581 случаев в ГИКРЯ (IPM ~0.843), *детский церебральный паралич* (в разных падежных формах) — 1784 (IPM ~0.091, т.е. употребляется реже в десять раз). Наличие в наименовании *Д / детского*, даже в тех случаях, когда речь идет о взрослых, обусловлено традицией и развитием соответствующего медицинского направления (занимавшегося преимущественно случаями детей): «—Только недавно стали собираться группы взрослых с церебральным параличом. — Так уже говорят? — Пока нет, пока говорят именно ДЦП. Но, по большому счету, если практики реабилитации взрослых будут сохраняться, буква *Д* должна отвалиться» (Антон, филолог, художник, куратор инклюзивных арт-проектов, с ДЦП). Со слов Антона, он старается избегать наименования диагноза вообще, отдавая предпочтение эвфемистическому варианту: «Меня больше устраивали штуки типа *человек с двигательными особенностями*. <...> Нравится, потому что у каждого есть какие-то особенности. Поскольку сейчас принято *человек с*, я иногда это употребляю». Для специалиста по инклюзии Юлии «нет разницы, ДЦП или детский церебральный паралич», она объясняет распространенность аббревиатуры удобством.

К аббревиатурам может быть присоединен суффикс *-ник*: *уошник*, *ДЦПшник*: «Так значит, домашний быт у матери, сын с ДЦП, и показывают по телеку ролик с ДЦП, и она говорит сыну: “Слуш, смотри, сколько вас *ДЦПшников* развелось сейчас. Так говорить нельзя”» (Антон). Юлия отмечает, что хотя вариант *ДЦПшник* используется среди родителей и людей с инвалидностью, его лучше избегать, так как он содержит «определенную стигму»: «Если мы говорим о культуре инклюзии, лучше говорить: *человек с ДЦП* или *имеет ДЦП*»¹. Таким образом, представителем профессионального сообщества осознается граница между дискурсами: «Важно разделять, если употребляем профессиональную терминологию, например медицинская реабилитация, возможно». Поиск по запросу *ДЦПшник* в ГИКРЯ обнаруживает мало вхождений: 526, IPM ~0.029 (встречаются варианты написания как с тремя заглавными буквами, так и со строчными). В словаре молодежного сленга первое значение этого слова: «криворукий индивид, человек у которого руки не из того места растут»² [Словарь молодежного сленга]. В ГИКРЯ также представлено переносное употребление: «очередное доказательство того, что на одноклассниках сидят ДЦПшники и дегенераты»; «Тупые шутки,

¹ Респондентка также добавляет другие рекомендации: избегать оборотов «страдает ДЦП, прикован к инвалидной коляске», «я прикован к инвалидной коляске», «я страдаю ДЦП», которые создают ощущение «жертвенности и невозможности преодолевать обстоятельства».

² Сохранена орфография источника.

которые смешны будут только даунам и ДЦПшникам последней стадии». Номинации, которые в некоторых случаях считают оскорбительными, в других выступают маркером идентичности, в частности когда используются как самоназвания для продвижения контента: «Безбашенный ДЦПшник. На этом канале будет рассказываться о жизни одного ДЦПшника, который творит то, что нормальный человек бы не сделал»¹; см. также канал Ивана Бакаидова «Гребаный паралитик жжет».

7. Случаи неполиткорректности

Словосочетание с указательным местоимением «такие люди», на первый взгляд, позволяет избегать дискриминирующих названий. Однако оно оказывается обидным, как отмечают респонденты, если выделяется просодически и когда «всем понятно, о каких *таких* людях идет речь» (также может сопровождаться определенными мимическими движениями, например закатыванием глаз). Двое респондентов с инвалидностью привели его в пример как самое раздражающее выражение: «Мы говорим о *таких* людях» (кривляется). «Когда в такие слова вкладывается “Ну, вы же понимаете, что я имею в виду”, — это местный депутат по поводу каких-то программ помощи. С интонацией “ну, вот, *такие* люди”. Она просто не очень понимала в этой теме, а ей нужно было произвести какое-то впечатление, отчитаться, понимала, что *убогими*, наверное, не стоит называть», — рассказывает Алексей (преподаватель английского с рассеянным склерозом). Аналогичные промахи допускают и другие чиновники, которые, не разобравшись в теме, выступают публично. Ср. в репортаже о поездке губернатора Московской области по интернатам: «Но там мы смотрели там же вообще как бы... (машет рукой) Но хотя здесь контингент я вижу тако-о-ой...» [Поездка 2015]. При этом, конечно, нельзя сказать, что сама языковая единица является неполиткорректной, но речь идет о ее употреблении в определенном контексте с соответствующим просодическим и жестовым сопровождением. Таким образом, избегание наименования при референции может быть воспринято негативно.

Следующий кейс демонстрирует различия в медицинском и публичном дискурсах. Как отмечалось выше, нейтральные медицинские термины, обозначающие диагнозы, в особенности ментальные, попадая в другие сферы, начинают употребляться в переносном значении и приобретают негативную коннотативную нагрузку. Данный процесс произошел, в частности, со словами *кретин*, *идиот*, *имбецил*, *дебил*, которые ранее были

¹ <<https://zen.yandex.ru/alichina>>.

терминами, но переключались в общеупотребительную лексику, став оскорбительными. Добавим, что негативная окраска стала настолько сильной, что эти слова потребовалось заменить и в медицинских номенклатурах. Иллюстрацией того, насколько неприемлемым становится употребление бывших медицинских терминов в публичном дискурсе, может послужить скандал, разразившийся после передачи с Еленой Малышевой от 13 июня 2019 г., в которой на сцене было написано: «Откуда берутся кретины?» [Жить здорово! 2019] (ил. 1). Использование этого выражения на центральном канале крайне возмутило общественность, появились сотни негодующих публикаций. Так, члены общественной организации, созданной родителями и близкими детей с расстройствами аутистического спектра, «сочли “недопустимым использование подобной стигматизирующей лексики, поскольку это является нарушением прав, унижением достоинства и актом вербального насилия над людьми с ментальными нарушениями”» [Белов 2019]. В ответ ведущая объяснила, что употребила слово в качестве медицинского термина: «Это диагноз, определяющий степень умственной отсталости» [Белов 2019] (на самом деле в передаче слово употребляется в узком значении для обозначения состояния, вызванного дефицитом йода). Устаревший термин сейчас имеет явно выраженную негативную коннотацию, а кроме того, произошло смешение двух дискурсов: то, что дозволено в медицинском контексте, оценивается как некорректность в телепередаче. Однако если посмотреть на прагматику данного употребления, можно предположить, что выбор номинации с заведомо противоречивыми и негативными коннотациями сделан специально для привлечения общественного внимания.

Заключение

Среди людей с инвалидностью нет единого мнения по поводу того, какие выражения следует использовать. В статье приводятся точки зрения представителей разных групп и показывается, что для них стоит за тем или иным словом, а также анализируются прагматические установки и идеологии, в том числе конкурирующие («сначала человек» vs признание инвалидности важной составляющей идентичности). Отношение к словам сильно различается по степени категоричности: кому-то кажутся подходящими практически любые варианты, кто-то негативно высказывается про отдельные номинации, кто-то отдает предпочтение конкретному слову, а другие придумывают местные выражения. Кроме того, различаются в целом установки: в то время как часть носителей (как с инвалидностью, так и без нее) высказывают мнение, что слова

не важны, другие придерживаются обратной точки зрения и ранжируют единицы с точки зрения приемлемости и привлекательности. Использование эвфемизмов и избегание наименования многими воспринимается отрицательно, так как оставляет инвалидность невидимой. По результатам интервью наиболее приемлемым общим наименованием считается *люди с инвалидностью*, но оно подходит не для всех случаев. В частности, неоднозначно его употребление по отношению к некоторым ментальным состояниям с точки зрения идеологии *нейроразнообразия*. Другие общие наименования, образованные по модели *люди с...* (например, с лексемой *ограниченный*), подверглись критике со стороны некоторых опрошенных. При этом самым частотным словом остается *инвалид*, которое используется в разных значениях и неизбежно во многих контекстах, например для получения льготы. Это слово получает неоднозначную оценку со стороны представителей разных групп. Для части носителей с инвалидностью все номинации несут столько дополнительных коннотаций, что становится невозможным найти нейтральный вариант.

Существенно отличаются принципы выбора наименования внутри сообществ, в публичном, профессиональном (медицинском) дискурсе и в быту. Так, внутри сообществ используются жаргонные единицы, образованные при помощи суффиксов *-ик*, *-ник* или *-онок/ат*, а кроме того, в социальных сетях — аббревиатуры: наименования играют роль маркеров групповой идентичности, а также удовлетворяют критериям точности и краткости.

Выбор наименования в публичном дискурсе отражает социальные границы и отношение к группе людей, помещая их в определенную категорию. Для публичного дискурса актуальна

Ил. 1. Кадр из телепередачи: «Откуда берутся кретины?»

идеология политкорректности, а также принцип «сначала человек», стоящий за соответствующей моделью. В публикациях СМИ и на сайтах соответствующих организаций часто синонимично используются разные варианты номинаций, которые при этом могут не полностью совпадать по содержанию или с точки зрения политкорректности.

Для активистского дискурса, кроме того, характерна ориентация на социальную модель инвалидности, а также признание инвалидности важной составляющей идентичности и формулирование четких запретов. Во многих случаях предпочтение отдается точным диагнозам, т.е. более узким наименованиям, так как проблемы групп сильно различаются. Однако медицинские термины, попадающие в публичный дискурс, при большем распространении приобретают негативные коннотации и начинают использоваться в переносном значении.

Важным фактором при осознанном выборе является прагматический — какова цель: привлечь внимание, или, напротив, выбрать наиболее нейтральный вариант, который не вызовет критики, или продемонстрировать следование той или иной идеологии. Выражения, которые приемлемы в медицинском контексте или внутри сообщества, могут быть восприняты крайне негативно в публичном дискурсе. Перед теми, кто говорит о проблемах инвалидности, встает сложный выбор, так как чувствительная тема требует внимательного подбора слов, а совсем безопасных вариантов нет. С одной стороны, нужно называть вещи своими именами и указывать на инвалидность, которая иначе останется невидимой, а с другой стороны, инвалидность необязательно является главным аспектом идентичности, и упоминание диагноза может оказаться нежелательным.

Что касается бытового разговора, то, как правило, люди используют привычные слова, не задумываясь о дополнительных смыслах и эмоциях, которые они вызывают. Дело не столько в словах, сколько в прагматике употребления: словом *инвалид* можно обидеть, пошутить, подбодрить и т.д. В любом случае, нет универсальных выражений, которые будут подходящими во всех контекстах, т.е. можно говорить о (полит)корректности не лексической единицы, а словоупотребления. Выбор наименования в одних случаях выступает в роли маркера идентичности или выражает определенную идеологию, а в других происходит неосознанно, но при этом также может быть проинтерпретирован с учетом актуальных идеологий.

Благодарности

Исследование проведено при поддержке гранта РНФ № 19-78-10081 «Политкорректность в русском языке и в русской культуре». Автор выражает

благодарность всем респондентам за готовность поделиться опытом и мнением, а также анонимному рецензенту журнала, Дмитрию Колядову и Александре Курленковой за ценные замечания.

Источники

- Автобусы и метро мало приспособлены для людей с инвалидностью. Как же тогда передвигаться по городу? // Медуза. 2020, 30 дек. <<https://meduza.io/feature/2020/12/30/gde-iskat-pomoschi-esli-iz-za-invalidnosti-slozhno-peredvigatsya-po-gorodu>>.
- Алленова О. «Люди с нарушениями развития нуждаются не в обслуживании, а в сопровождении»: почему социальное законодательство в России надо менять // Коммерсантъ. 2021, 12 июня. <<https://www.kommersant.ru/doc/4855415>>.
- Анохин А. «Даунонок — солнечный ребенок!» // Амурская правда. 2013, 28 февр. <<https://www.ampravda.ru/2013/02/28/037821>>.
- Белов А. Новый скандал с Малышевой: кого она оскорбила на этот раз. 2019, 13 июня. <https://www.gazeta.ru/culture/2019/06/13/a_12414187.shtml>.
- Быбылёва М.С. Мы так говорим. Обидные слова и как их избежать. М.: АСТ, 2020. 223 с.
- Валоти Алебарди Ф. Беззащитный великан. 2021, 9 июня. <<https://takiedela.ru/2021/06/bezzashhitnyu-velikan>>.
- Жить здорово! Выпуск от 13.06.2019. <<https://youtu.be/dnT-URpAEbw>>.
- Зотова Н. «Инвалиды» — правильное слово? Как говорить, чтобы не обидеть // BBC News / Русская служба. 2018, 27 сент. <<https://www.bbc.com/russian/news-45667220>>.
- Издательства над пациентами: видео из психдиспансера попало в Сеть // Вести.ru. 2017, 15 мая. <<https://www.vesti.ru/doc.html?id=2888211>>.
- Инвалид, с детства страдающий от оскорблений окружающих, заставил заплатить за обиды кровью // Кстати Новости Нижнего Новгорода. 2015. <<https://youtu.be/TzfkPmacxUg>>.
- Как говорить так, чтобы никого не обидеть? // Медуза. 2015, 22 янв. <<https://meduza.io/cards/kak-govorit-tak-chtoby-nikogo-ne-obidet>>.
- Культура общения с людьми с инвалидностью. Язык и этикет // РООИ Перспектива. <<https://perspektiva-inva.ru/language-etiquette>>.
- Лебедев В. Что такое ментальная инвалидность? Как общаться с такими людьми и опасны ли они? Стыдные вопросы о психических расстройствах // Медуза. 2019, 20 нояб. <<https://meduza.io/feature/2019/11/20/chto-takoe-mentalnaya-invalidnost-kak-obschatsya-s-takimi-lyudmi-i-opasny-li-oni-stydnye-voprosy-o-psihicheskikh-rasstroystvah>>.
- Лунев И. «Широта и Долгота»: настоящие художники в интернатах для взрослых // Филантроп. 2018, 25 апр. <<https://philanthropy.ru/cases/2018/04/25/62797/>>.
- Люди с ограниченными возможностями или с повышенными потребностями? // Invalife «особая» психология. 2020, 29 янв. <<https://zen.yandex.ru/media/id/5c6006d39e90b000addf0fdb/liudi-s-ogranichennymi-vozmojnostiami-ili-s-povyshennymi-potrebnostiami-5e2f6d9f1e8e3f00ada85640>>.

- Нужна помощь. <<https://nuzhnapomosh.ru/funds/inklyuzivnye-masterskie-prostye-veschi>>.
- Платонова А. Как люди с особенностями развития могут жить самостоятельно и работать // Такие дела. 2019, 27 авг. <<https://takiedela.ru/news/2019/08/27/zhit-i-rabotat-samostoyatelno/>>.
- Плошкина А. Что такое эйблизм и как «безобидные» фразы приводят к дискриминации // Лайфхакер. 2020, 6 июля. <<https://lifehacker.ru/ejblizm/>>.
- Поездка Андрея Воробьева в психоневрологический интернат в Орехово-Зуево. 2015, 12 авг. <<https://youtu.be/jl6Qlpjpb4A>>.
- «Положительно аутичный»: интервью с Ари Нейманом // Autistic City. 2020, 21 дек. <<https://www.aspergers.ru/node/37>>.
- Простые вещи <<https://prostieveschi.ru/about-us/>>.
- Словарь молодежного сленга. <<https://slang.su/content/Дцпшник>>.
- Словарь русского языка XVIII века. СПб.: Наука, 1997. Вып. 9. 270 с.
- Сурнина П.В. В России трудоустроено не более 3 % людей с ментальной инвалидностью: «особые» взрослые // Независимая газета. 2020, 18 февраля. <https://www.ng.ru/health/2020-02-18/8_7797_special.html>.
- Такие дела. Словарь «Таких дел». <<https://takiedela.ru/dictionary-words/invalid>>.
- Товары «Инклюзивные мастерские “Простые вещи”». <<https://shop.takiedela.ru/inklyuzivnye-masterskie-prostye-veschi>>.
- Толковый словарь Даля онлайн. <<http://slovardalja.net>>.
- Толковый словарь Ожегова онлайн. <<https://slovarozhegova.ru/>>.
- Чистые ключи. 2021, 22 июня. <<https://www.facebook.com/camphill.russia/posts/4300584019999340>>.
- Экспресс-знакомства для людей с психическими нарушениями. 2021, 24 июня. <<https://www.goodhouse.ru/obshchestvo/novosti/ekspress-znakomstva-dlya-lyudey-s-psiicheskimi-narusheniyami>>.
- Эрик Вейенмайер: Семь вершин мира // Не инвалид.ру. 2010, 9 сент. <<http://neinvalid.ru/erik-weihenmayer-sem-vershin-mira>>.
- [forum-invalidov 2015] В Европе инвалиды — это «люди с повышенными потребностями», а в России — это «люди с ограниченными возможностями». 2015, 6 апр. <<http://www.bezgranitc.ru/content/2015-04-06-102600/v-evrope-invalidy-eto-lyudi-s-povyshennymi-potrebnostyami-v-rossii-eto>>.

Библиография

- Воронцова И.И., Комиссарова Т.В. Современная политкорректная лексика в дискурсе ограниченных возможностей здоровья человека в текстах англоязычных СМИ и особенности ее перевода на русский язык // Новый филологический вестник. 2019. № 4 (51). С. 438–449.
- Крысин Л.П. Эвфемизмы в современной русской речи // Russistik. 1994. № 1–2. С. 28–49. <<http://www.philology.ru/linguistics2/krysin-94.htm>>.

- Майба В.В. О структуре языка политкорректности (на примере английского и русского языков) // Политическая лингвистика. 2012. Т. 2. № 40. С. 102–108.
- Ортега Ф. Нейрологические идентичности и движение за нейроразнообразие // Социология власти. 2020. Т. 32. № 2. С. 125–156.
- Панин В.В. Политическая корректность как культурно-поведенческая и языковая категория: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2004. 19 с.
- Романова Т.В. Толерантность и политкорректность: аналитический обзор современного состояния проблемы (лингвистический аспект) // Политическая лингвистика. 2015. Т. 2. № 52. С. 39–49.
- Цурикова Л.В. Политическая корректность как социокультурный и прагмалингвистический феномен // Гришаева Л.И. (ред.). Эссе о социальной власти языка. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2001. С. 94–103.
- Шарапова И.В., Кобенко Ю.В. История возникновения понятия “political correctness” и способы его интерпретации // Вестник ТГПУ. 2014. № 10 (151). С. 46–50.
- Ablon J. “The Elephant Man” as “Self” and “Other”: The Psychosocial Costs of a Misdiagnosis // Social Science and Medicine. 1995. Vol. 40. P. 1481–1489. doi: 10.1016/0277-9536(94)00356-x.
- Allan K., Burridge K. Taboo and the Censoring of Language Forbidden Words. Cambridge et al.: Cambridge University Press, 2006. 303 p.
- Andrews E. Cultural Sensitivity and Political Correctness: The Linguistic Problem of Naming // American Speech. 1996. Vol. 71. No. 4. P. 389–404.
- Antaki C., Widdicombe S. Identity as an Achievement and as a Tool // Antaki C., Widdicombe S. (eds.). Identities in Talk. L.: Sage, 1998. P. 1–14.
- Benedict R. Anthropology and the Abnormal // The Journal of General Psychiatry. 1934. Vol. 10. P. 59–80.
- Fairclough N. “Political Correctness”: The Politics of Culture and Language // Discourse and Society. 2003. Vol. 14. No. 1. P. 17–28. doi: 10.1177/0957926503014001927.
- Hanks J., Hanks L. The Physically Handicapped in Certain Non-occidental Cultures // Social Issues. 1948. Vol. 4. No. 4. P. 11–20.
- Hughes G. Political Correctness: A History of Semantics and Culture. Malden: Wiley-Blackwell, 2010. 320 p.
- Jenkins R. Social Identity. 2nd ed. L.; N.Y.: Routledge, 2004. X+218 p.
- Reid-Cunningham A. R. Anthropological Theories of Disability // Journal of Human Behavior in the Social Environment. 2009. Vol. 19. P. 99–111. doi: 10.1080/10911350802631644.
- Shakespeare T. The Social Model of Disability // Davis L.J. (ed.). The Disability Studies Reader. N.Y.: Routledge, 2010. P. 266–273.
- Trent J. Inventing the Feeble Mind: A History of Mental Retardation in the United States. Berkeley: University of California Press, 1995. 356 p.
- Valentine J. Naming the Other: Power, Politeness and the Inflation of Euphemisms // Sociological Research Online. 1998. Vol. 3. No. 4. <<http://www.socresonline.org.uk/3/4/7.html>>.

Naming People with Disabilities in Contemporary Russian

Ekaterina Rudneva

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences

9 Tuchkov Lane, St Petersburg, Russia

Russian State University for the Humanities

6 Miusskaya Sq., Moscow, Russia

katja1985mt@yandex.ru

The study aims to analyse naming people with disabilities in contemporary Russian, depending on context and pragmatics, as well as highlight current ideologies and speakers' attitudes. The data comprises media and social networks publications, interviews with people with disabilities and their relatives, examples from spontaneous oral speech, and a web corpus. The article analyses linguistic models of forming nominations and changes in discourse, investigates various understandings and uses of the word '*disabled*' (which remains the most frequent, being inevitable in many contexts), opinions and attitudes of different groups, as well as current ideologies that they take into account, including competing ones (*people-first vs identity-first*). Principles for choosing labels differ in various discourses. Within smaller social groups, where names play a role of group identity markers, jargon items are often preferred. Public discourse favours the ideology of political correctness and the *people-first* principle, with the corresponding model and compound nominations consisting of several words. The activist discourse is also characterized by orienting towards the social model of disability and new ideologies (*neurodiversity*, fighting against *ableism*, frequently the *identity-first* principle) and stating clear-cut restrictions. Attitudes of people with different disabilities towards naming vary: some are rather opinionated, while others are indifferent. Modern euphemistic nominations can be perceived negatively because they make disability invisible. In some cases, a label acts as an identity marker or expresses a certain ideology, while in others it is chosen less consciously, but nevertheless can be interpreted using existing ideologies by recipients.

Keywords: naming, people with disabilities, Russian, political correctness, disabled, interview.

Acknowledgements

Research for this article was supported by the RSF grant no. 19-78-10081 "Political Correctness in Russian Language and Culture". The author expresses gratitude to the respondents, to the journal's reviewer, as well as to Aleksandra Kurlenkova and Dmitriy Kolyadov for their useful comments.

References

- Ablon J., “‘The Elephant Man’ as “Self” and “Other”: The Psychosocial Costs of a Misdiagnosis’, *Social Science and Medicine*, 1995, vol. 40, pp. 1481–1489. doi: 10.1016/0277-9536(94)00356-x.
- Allan K., Burrige K., *Taboo and the Censoring of Language Forbidden Words* Cambridge. New York et al.: Cambridge University Press, 2006, 303 pp.
- Andrews E., ‘Cultural Sensitivity and Political Correctness: The Linguistic Problem of Naming’, *American Speech*, 1996, vol. 71, no. 4, pp. 389–404.
- Antaki C., Widdicombe S., ‘Identity as an Achievement and as a Tool’, Antaki C., Widdicombe S. (eds.), *Identities in Talk*. London: Sage, 1998, pp. 1–14.
- Benedict R., ‘Anthropology and the Abnormal’, *The Journal of General Psychiatry*, 1934, vol. 10, pp. 59–80.
- Fairclough N., “‘Political Correctness’: The Politics of Culture and Language”, *Discourse and Society*, 2003, vol. 14, no. 1, pp. 17–28. doi: 10.1177/0957926503014001927.
- Hanks J., Hanks L., ‘The Physically Handicapped in Certain Non-occidental Cultures’, *Social Issues*, 1948, vol. 4, no. 4, pp. 11–20.
- Hughes G., *Political Correctness: A history of Semantics and Culture*. Malden: Wiley-Blackwell, 2010, 320 pp.
- Jenkins R., *Social Identity*. 2nd ed. London; New York: Routledge, 2004, X+218 pp.
- Krysin L. P., ‘Evmfizmy v sovremennoy russkoy rechi’ [Euphemisms in Modern Russian Speech], *Russistik*, 1994, no. 1–2, pp. 28–49. <<http://www.philology.ru/linguistics2/krysin-94.htm>>. (In Russian).
- Mayba V. V. ‘O strukture yazyka politkorrektnosti (na primere angliyskogo i russkogo yazykov)’ [On the Structure of Political Correctness Language (on the example of the English and the Russian languages)], *Politicheskaya lingvistika*, 2012, no. 2 (40), pp. 102–108. (In Russian).
- Panin V. V., *Politicheskaya korrektnost kak kulturno-povedencheskaya i yazykovaya kategoriya* [Political Correctness as a Cultural, Behavioral and Linguistic Category]: Dissertation abstract. Tyumen, 2004, 19 pp. (In Russian).
- Reid-Cunningham A. R., ‘Anthropological Theories of Disability’, *Journal of Human Behavior in the Social Environment*, 2009, vol. 19, pp. 99–111. doi: 10.1080/10911350802631644.
- Romanova T. V., ‘Tolerantnost i politkorrektnost: analiticheskiy obzor sovremenogo sostoyaniya problemy (lingvisticheskiy aspekt)’ [Tolerance and Political Correctness: Analytical Review of the Current State of the Problem (linguistic aspect)], *Politicheskaya lingvistika*, 2015, no. 52 (2), pp. 39–49. (In Russian).
- Shakespeare T., ‘The Social Model of Disability’, Davis L. J. (ed.), *The Disability Studies Reader*. New York: Routledge, 2010, pp. 266–273.
- Sharapova I. V., Kobenko Yu. V., ‘Istoriya vozniknoveniya ponyatiya “political correctness” i sposoby ego interpretatsii’ [Political Correctness: Origins of the Terms and Ways of Its Interpretations]. *Vestnik TGPU*, 2014, no. 10 (151), pp. 46–50.

- Trent J., *Inventing the Feeble Mind: A History of Mental Retardation in the United States*. Berkeley: University of California Press, 1995, 356 pp.
- Tsurikova L. V., 'Politicheskaya korrektnost kak sotsiokulturnyy i pragmatyngvysticheskiy fenomen' [Political Correctness as Social and Pragmalinguistic Phenomenon], Grishaeva L. I. (ed.), *Esse o sotsialnoy vlasti yazyka* [Essays about Social Power of Language]. Voronezh: Voronezh State University Press, 2001, pp. 94–103.
- Valentine J., 'Naming the Other: Power, Politeness and the Inflation of Euphemisms', *Sociological Research Online*, 1998, vol. 3, no. 4. <<http://www.socresonline.org.uk/3/4/7.html>>.
- Vorontsova I. I., Komissarova T. V., 'Sovremennaya politkorrektnaya leksika v diskurse ogranichennykh vozmozhnostey zdorovya cheloveka v tekstakh angloyazychnykh SMI i osobennosti ee perevoda na russkiy yazyk' [Modern Politically Correct Vocabulary in the Discourse of Limited Human Health in the Texts of English-Speaking Media: The Peculiarities of Their Translation into Russian], *Novyy filologicheskiy vestnik*, 2019, no. 4 (51), pp. 438–449. (In Russian).